

Жизнь в пространстве декаданса (Н. Петровская)

ЕЛЕНА ТЫРЫШКИНА

Новосибирский гос. педагогический университет, кафедра теории литературы,
Россия, Новосибирск, 630316, ул. Виллюйская, 28.
E-mail: kokovin@math.nsc.ru

Abstract: The paper is devoted to life-creation phenomena in Russian Decadence. Individual fate of Nina Petrovskaja, lover of Valerij Brjusov and second-rate writer, illustrates some typical strategies of special behavior modeling where literary patterns of “Femme fatale”, “lady vamp” and other decadent heroines (Lenor, Salomea) are rather attractive. However, aesthetic models come into contradiction with ethical rules and those who desire to live according to Decadent literature ideals are condemned to suffering and slow dying.

Keywords: life-creation, decadent heroine(s), suffering/dying

Некоторые авторы уже писали о Н. Петровской в связи с ее ролью в судьбе А. Белого и В. Брюсова (прежде всего это работы С. С. Гре-чишкина и А. В. Лаврова). Но до сих пор художественные, критические, эпистолярные тексты этой писательницы не стали специальным объектом исследования, впрочем, как и сам феномен личности Н. И. Петровской в целом, ее «текст жизни». Сразу же считаем нужным оговориться, что адекватный анализ этого «текста» станет возможным лишь после опубликования большого корпуса архивных материалов, прежде всего переписки Петровской и Брюсова¹.

В данной статье ставится скромная задача — обосновать проблему необходимости изучения творчества Н. Петровской, предложив при этом вниманию читателя некоторые новые факты историко-литературного характера. Заметим, что уже назрела необходимость свести во-едино разрозненные сведения о Н. Петровской в одной публикации, что облегчило бы всем интересующимся первичный библиографический поиск².

Стереотип восприятия Н. Петровской в настоящее время строится в основном на воспоминаниях В. Ходасевича «Конец Ренаты», где автор определил ее как жертву декадентской идеологии. Остальные воспоминания современников мало что добавляют в этом отношении,

¹ Переписка Брюсова и Петровской находится в Рукописном отделе РГБ (Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 12.; Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 19, 20, 21, 22.), РГАЛИ (Ф. 376. Оп. 1. Ед. хр. 4; Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 95) и РО ИМЛИ (Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 38, 39, 105). В настоящее время эти архивные материалы готовятся к печати Н. А. Богомоловым и А. В. Лавровым. Выражаю благодарность Н. А. Богомолову за предоставленную мне возможность ознакомиться с частью этих материалов в рукописи (компьютерный вариант).

разве что одни более сдержанны, и авторы Петровской симпатизируют, несмотря на все ее «странности» (Р. Гуль описывает ее как весьма уже немолодую, нищую, хроную, не совсем нормальную, но с претензией на шик, упоминает ее пряные разговоры о близко знакомых ей А. Белом и В. Брюсове и скандальные воспоминания о декадентских нравах, вечеринках с раздеваниями, где фигурировал голый А. С. Яценко, «весь в золотом пуху» и т.д.), для других — она совсем уже жалкое, сумасшедшее существо (Ю. Офросимов).

Но это всё — довольно поздние свидетельства. Те, кто знали ее раньше, высказывались довольно противоречиво, однако, ее чуткость и неординарность мировосприятия находили признание в кругу ее знаменитых знакомых. Такие свидетельства можно обнаружить в письмах С. С. Соловьева к А. А. Блоку зимой 1905 г.: «Представь себе, что я часто думаю о Нине Ивановне и что ее существо мне стало очень дорого, явившись сквозь призму Андрея Белого. Когда я мечтаю о белом братстве, нищенствующем, собирающем цветы и влюбленном, я думаю, что она могла бы быть в нем. Когда я сказал ей, что надо, чтобы вся жизнь насквозь стала любовью, чтобы не было ничего, кроме любви, она сказала: «мне странно слышать это от вас. Это мои слова»²; «Я чувствую себя как бы восставшим из мертвых и совсем одиноким. Все провалилось, кроме вас, Бори, Нины Ивановны и Брюсова»³.

В воспоминаниях А. Белого после смерти А. А. Блока есть фраза о привязанностях и антипатиях последнего, где сказано, что: «...определенно не любил С. А. Соколова (не мой друг) и нежно, чуть не с жалостью к Нине Петровской»⁴.

Сам факт увлечения ею Белым и Брюсовым также значит довольно много, тем более, что роман с Брюсовым длился почти семь лет.

Что касается литературного творчества Петровской, то Брюсов оценивал его весьма сдержанно, но обещал ей большое будущее при условии упорной литературной работы: «Со всей откровенностью и со всем беспристрастием могу сказать тебе, что здесь в литературе, есть для тебя будущее и жизнь... Ты знаешь, что я не очень высоко ценю все, что ты сделала до сих пор. (...) Но я больше других знаю все существующие для тебя возможности»⁵.

Однако у А. Блока и С. Соловьева ранние литературные опыты этой писательницы вызвали резко негативную реакцию: «Тетя Гриф оскандалилась еще хуже, чем я в конке. Почти весь альманах хочется положить в печку. «Последняя ночь» Нины Ивановны очень симпа-

² Письмо С. С. Соловьева А. А. Блоку от 22 января 1905 г.: Литературное наследство (=ЛН) 92/1. Москва 1980. 385.

³ Письмо С. С. Соловьева А. А. Блоку. Февраль 1905 г.: Там же, 389.

⁴ Андрей Белый. Дневниковые записи. Предисловие и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова: ЛН 92/3 (1982) 800. А. А. Блок подарил Н. Петровской свою фотографию с дарственной надписью в 1907 г. См.: ЛН 92/3 (1982) 151.

⁵ Петровская Н. И. Из «Воспоминаний». Публ. Ю. А. Красовского: ЛН 85 (1976) 773.

тично, но окончательно бездарно»⁶; «Самое ужасное: Грифы (особенно совершенно бездарная Нина Ивановна) — очень хорошие люди и искренно не понимают и не видят, что им гораздо лучше не издавать ничего...»⁷.

На наиболее значительное литературное достижение Н. Петровской, сборник рассказов «Sanctus atog» 1908 г., А. Белый отозвался с язвительной иронией, хотя кое-где отметил достоинства лирического стиля автора.

Конечно, никто не будет спорить с тем, что сравнивать Петровскую с мэтрами русского символизма, с точки зрения литературной одаренности, неправомерно. Однако всё выглядит сложнее, чем кажется на первый взгляд после уничтожающих оценок А. Блока.

Определить эту женщину только как «второсортную» писательницу, истеричку, пристрастную к морфию, было бы большим упрощением. Она представляет собой определенный интерес как личность, всецело принадлежавшая своей эпохе, — Петровская, если угодно, была ее законченным произведением. В этой связи тексты Петровской, как художественные, так и критические, должны быть введены в эстетический процесс своего времени, а пока они известны только узкому кругу специалистов. Даже если признать тот факт, что литературное творчество Н. Петровской особой ценности не представляет, (что не очевидно), без него история литературы начала века не будет полной, и ее рассказы заслуживают внимания с точки зрения логики развития и угасания традиции декаданса и ее контаминирования с более поздними теориями символизма. А все те, кто имел возможность познакомиться хотя бы с небольшой частью эпистолярного наследия Н. Петровской, без всякого колебания присоединятся к мнению М. Л. Гаспарова о том, что «...Н. Петровская, один из самых умных <...> корреспондентов В. Брюсова»⁸.

Не оспаривая основной идеи воспоминаний Ходасевича, рассмотрим историю взаимоотношений Петровской и Брюсова еще раз — с некоторыми документами в руках, — письмами участников драмы. Читая их, нетрудно убедиться, что во-первых, Петровская жила и чувствовала не всегда как героиня декаданса, но и как обычная женщина, жаждущая иметь семью, а во-вторых, сам Брюсов во многом смоделировал ее мировосприятие.

О том, что Брюсов мог прекрасно совмещать роли литературного мага и демона — с одной стороны, и обитателя купеческого особняка, — с другой, уже писали (В. Ф. Ходасевич, М. Л. Гаспаров). Великий поэт умел довольно комфортно существовать по крайней мере в двух пространствах — искусства и реальности хорошо устроенного быта (в своих письмах к Петровской он оправдывался тем, что не может

⁶ Письмо С. С. Соловьева А. А. Блоку от 18 февраля 1904 г.: ЛН 92/1 (1980) 364.

⁷ Письмо А. А. Блока С. С. Соловьеву от 8 марта 1904 г.: Там же, 371.

⁸ Гаспаров М. Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова: ЛН 98/1 (1991) 29.

служить любви, так как слишком предан поэзии). Трагедия Петровской была закономерной, постоянное существование по эстетическим законам стоило ей дорого. Совместить эти два пространства она не могла (хотя и пыталась воплотить в жизнь эстетическую утопию великой Любви), а отречься от этой утопии была не в силах. Когда последние надежды возродить угаснувшую страсть Брюсова покинули ее, ей не оставалось ничего иного, как надеть на себя литературную личину Ренаты — это давало иллюзию приобщения к давно прошедшему счастью (быть такой, какой он ее запечатлел), и — одновременно создать для себя броню психологической защиты в виде жажды идеального мира искусства и любви в противовес ничтожному миру каждодневной рутины (который ее отвергал и к которому она не была приспособлена)⁹.

Петровская довольно долго находилась под влиянием Брюсова, всегда стремившегося к власти во всех ее проявлениях. Нет никакого сомнения, что некоторое время Брюсов был действительно увлечен ею, но вот характерная деталь: когда он создавал свои замечательные страстные письма, то нередко вначале работал над черновиками, а Петровская получала изящные образцы эпистолярного искусства, композиционно выстроенные, где не было места хаосу, — это были законченные художественные произведения¹⁰. Разделение на «человека» и «поэта»¹¹ у Брюсова пропадало лишь на очень краткие мгновения его жизни, маска демиурга не позволяла увидеть человека, неиспорченного рефлексией¹².

Петровская писала сразу набело, иногда наспех, порой карандашом, забывала ставить даты, дописывала на полях, делала многочисленные постскриптумы, и сам почерк всегда выдавал чувства автора. Если ею владело лихорадочное волнение, гнев, отчаяние, то тут уж было не до оттачивания художественной формы. В своей прозе и письмах она сплошь и рядом смешивала эстетическое и внеэстетическое и отделять от себя свои переживания, превратив их художественный объект, не могла. Ее лирические излияния из писем попадают в том же виде в прозу¹³, и она живет и пытается жить по литературным образцам. Вот как выглядит самое начало увлечения в выдержках из писем Брюсова:

⁹ Петровская хотя и была главным прототипом Ренаты в «Огненном ангеле», но, возможно, не единственным. О Е. И. Павловской см.: ЛН 98/1 (1991) 712.

¹⁰ Эти наблюдения относятся к той части архива, которая находится в ОР РГБ.

¹¹ Об этом см.: *Гаспаров М. Л.* Указ. соч. 27–29. — Здесь же заметим, что чрезвычайно интересно читать письма Брюсова к Полякову из Финляндии, когда Брюсов отдыхал там с Петровской: страстно влюбленный поэт не забывает о литературных делах и довольно много пишет о бытовых подробностях своего пребывания в пансионе Рауха. См.: *Переписка с С. А. Поляковым*: ЛН 98/2 (1994) 102–107.

¹² Эти редкие моменты Брюсова «без маски» запечатлены в его письмах к А. А. Шестеркиной после самоубийства Н. Львовой. См.: *Лавров А. В.* Вокруг гибели Надежды Львовой: *De visu* 2 (3). 1993. 6, 7.

¹³ Ср. фрагмент из ее письма к В. Брюсову от 23 мая 1906 г., отправленного из Варшавы: «Я не плачу, почти ничего не чувствую, после необычайного напряжения

1 июля 1905 г.

«Девочка, милая, хорошая, маленькая, я люблю Тебя».

5 июля 1905 г.

«Ты боялась когда-то, что мы слишком по домашнему близко подойдем один к другому, что это убьет ту долю мечты, идеального, без чего любовь умирает, как цветок без солнца».

8 июля 1905 г.

«На днях буду в Москве (на день: надо, как «домовладельцу» быть в Думе). Но я боюсь увидеться с Тобой. (...) Боюсь. Может быть, это опять безумие, опять мания. Но помедлим. (...) Страшно, страшно наложить хоть одну черту на прошлое. Это такая полная завершенная картина, что я не знаю, как продолжать ее».

14 июля 1905 г.

«Любовь должна влечься к счастью, но не должна его коснуться никогда. В одном из детских своих стихотворений (из тех, что Ты любишь) я обмолвился стихом: „Красота и смерть неизменно одно“. Было бы вернее сказать: „Счастье и смерть — одно“. Кто хочет смерти, должен стремиться к счастью. Жизнь только в роковом, только в трагизме».

25 августа 1905 г.

«Ты чтить Любовь так, как ее должно чтить. Ты требуешь, чтобы ей отдавали всю душу. Она не терпит никакого совместительства. Она не может разделить скипетра ни с кем. (...) Ты права! Ты права! Только так стоит любить, только это — Любовь! Та любовь, которая сильнее Смерти; та любовь, которая — Смерть ...».

29 августа 1905 г.

«Безумие было. Оно пережито. Не надо более безумия. Безумие — часть жизни, часть бытия, часть вечности. Безумная любовь — часть любви великой ... О, почему над Тобой не тот же ясный, светлый кругозор, что просиял теперь надо мной ...».

3 сентября 1905 г.

«Твой самый верный образ — тот, от имени которого написана Эдгаром «Линор».

21 ноября 1905 г.

«Не безумствуй ... очень. Не играй в карты с кентаврами ... слишком часто. Не целуйся с Одиноким* ... совсем»¹⁴.

душа успокоилась в безрадостной и тихой пустоте. (...) Но я «кук-ла» «кук-ла» ... «кук-ла» ... При этих словах в груди пустой и звонкий стук» (ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 19. Л. 2) и фрагменты из ее рассказов «Раб» и «Призраки»: «— Я кук-ла, — говорю я жене. Она не понимает и смеется последним бессмысленным смехом ... Я кук-ла...»; «Лицо куклы безжизненной белизной застыло на темной подушке. (...) Она протяжно вздыхает, розовые губы с приподнятыми уголками движутся с трудом, и шепчет: не мо-гу ... Я давно уже ничего не могу. Вот здесь пусто. Она ударяет себя в грудь, и мне слышится стук в пустой деревянный ящик» («Sanctus amor». Москва: Гриф, 1908. 35, 96–97).

* Одинокий — А. И. Тиняков (поэт, публицист. 1886–1934?). См. о нем: Русская

В этих ранних письмах Брюсова к Петровской в наиболее счастливое для обоих время, непосредственно после месяца, проведенного в Финляндии на озере Сайма (июнь 1905 г.)¹⁵, — налицо полный набор декадентских штампов — Брюсов описывает свои чувства, исходя из литературного стандарта. Он сравнивает Петровскую с Линор Эдгара По, для которого Любовь всегда была обречена Смерти. Для Брюсова — всё прошедшее уже оконтурено, заключено в эстетическую форму. И по законам искусства, действительно, самое логичное — не портить запечатленный образ. Для Петровской было бы лучше уже тогда исчезнуть из жизни Брюсова и не просить невозможного еще несколько лет. Уже ближе к осени 1905 г. видно, что романтический флер у Брюсова слетает с глаз, а Петровская всё будет продолжать требовать, просить, молить о Любви, которой нет места в низкой действительности¹⁶.

Она станет кокетничать со своими поклонниками в надежде возбудить ревность в Брюсова и тем самым удержать его¹⁷. Отношения

поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. Москва 1993. 349 (заметка Н. А. Богомолова); В. Варжасетян. «Исповедь антисемита» или к истории одной статьи. Повесть в документах: Литературное обозрение 1992/1. 24–37; Богомолов Н. А. Материалы к библиографии А. И. Тинякова: 1886–1934: De visu. 1993/10. 71–79.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 12. Л. 3, 8, 13, 17, 39, 42, 45, 58. — Эти письма Брюсова 1905–1909 гг. чаще всего были написаны на бланках журнала «Весь», конца 1909 — начала 1910 г. — на бланках «Русской мысли». Брюсов просил Петровскую писать ему на адрес редакции, что она обычно и делала, нарушая это правило крайне редко, в экстремальных ситуациях (см. ее письмо от 13 ноября 1907 г.). В публикуемых выдержках писем обоих адресатов сохранена авторская орфография и пунктуация.

¹⁵ В. Пяст вспоминает, что на одном из вечеров в Тенишевском училище в первые месяцы 1908 г. В. Брюсов читал свой цикл «На Сайме» — «нежнейшие из своих стихов, за душу трогающие». См.: Пяст В. Встречи. Москва: Изд-во «Федерация», 1929. 133. — Вероятно, воспоминание об этом «северном рае для влюбленных» сподвигло Брюсова в 1913 г. опять-таки в июне посетить Сайму на сей раз с Н. Львовой. См.: Лавров А. В. Вокруг гибели Надежды Львовой ... , 6. — Сама Н. Петровская посетила Финляндию вторично в августе 1911 г. с сестрой. В своих письмах к Брюсову из Гельсингфорса (Хельсинки) она вспоминает их совместное путешествие в 1905 г., горько сетуя, что теперь финская столица не производит на нее прежнего чарующего впечатления. См. письма Н. И. Петровской к В.Я. Брюсову: ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 22. Л. 18–19.

¹⁶ Отношения не были прерваны окончательно и после скандального происшествия с неудавшимся выстрелом Петровской в Брюсова 14 апреля 1907 г. на лекции А. Белого в Политехническом музее. См.: Письма к московским и петербургским литераторам (письмо В. Я. Брюсова к З.Н. Гиппиус): ЛН 85 (1976) 694–695. Брюсов продолжал встречаться с Петровской не только в Москве, но и в Петербурге, и в Париже. См.: ЛН 98/1 (1991) 203, 210.

¹⁷ Наиболее показателен в этом отношении роман Петровской с Ауслендером, с которым она сблизилась в 1907 г. и путешествовала по Италии в 1908 г. Роман был весьма странного свойства — в духе fin-de-siècle: в письмах Брюсову из Италии Петровская говорит о том, что уже «отучила мальчика от ночных нежностей», намекает на его «нетрадиционную ориентацию», а по воспоминаниям Б. Садовского (со слов В. Ходасевича, бывшего ее confidentом) «как любовник он никуда не годится». См.: Из переписки Н. И. Петровской. Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой: Минувшее. Исторический альманах 14 (Москва–СПб.) 1993. 384. Надо сказать, что об Ауслендере она высказывалась не только уничижительно и с раздражением, как отмечено в публи-

будут длиться мучительно долго, с возвратами и откатами, но печальный конец предсказать нетрудно уже по этим письмам Брюсова. Для него отношения с Петровской уже во многом превращены в отработанный литературный материал (а между искусством и реальностью у рационального Брюсова всегда пролегла четкая граница в отличие от его взбалмошной подруги). И пока он был увлечен, то не имел ничего против «Любви, которая сильнее Смерти» и восхищался Петровской — Линор. Но когда она пыталась взывать к нему в том же духе (изначально принадлежавшем не ей) через год-два, он, утомленный ее бесконечными излияниями чувств, советует ей писать о более конкретной реальности («о внешностях»), которые первоначально всячески изгонялись из их переписки или присутствовали на периферии как необходимое зло — в духе романтической и раннесимволистской традиции.

Теперь несколько выдержек из писем Петровской к Брюсову 1906–1913 гг.:

30 мая 1906 г.

«Хочу быть ясной, тихой, буду любить тебя там на озере «между сосен тонкоствольных» покорно, грустно нежно. (...) Все будет, как ты захочешь. (...) Милый мой, я тебя нежно и покорно люблю. За эти дни я стала тихая, тихая. P. S. Благодарю за Пшибышевского. Читала. Очень хорошо».

25 августа 1906 г.

«Но после этих двух лет, после необычайности всего пережитого у меня явилось страстное непобедимое стремление к последнему идеальному образу — любви».

4 ноября 1906 г.

«Вот вернешься ... твои стены, лица, дела, забудешь меня, (...) разлюбишь «жизнь», не сумеешь слить ее с действительностью, обидишь любовь ...»

пятница, утро (1906 г.)

«Ты знаешь Галунова* (сына)? Его жена оставила его и ушла к сыну з(убного) врача Братенши. Очевидно была любовь. И вот на днях этот Братенши без

кации Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой. По отношению к этому молодому человеку Петровская испытывала весьма противоречивые чувства, где было место и умилению, и нежности, и садистскому удовольствию от доставляемых ему мук — в общем, весь спектр «подпольности». — С. Ауслендер посвятил Н. Петровской рассказ «Феличе и Анжелика» в своем сборнике «Золотые яблоки». Москва 1908. Рассказ написан в сент-окт. 1907. Однако, если Петровская всю свою книгу «Sanctus amor» посвятила одному С. Ауслендеру, то он в «Золотых яблоках» не забыл также и М. Кузмина, — рассказ «Прекрасный Марк», В.П. Веригину — «Флейты Вафила» и Л. Д. Блок — «Метания Марии Девственницы из Каенны». См. письмо Л. Д. Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух от 25 сентября (1907 г.): «Был Ауслендер, который влюблен, кажется, во всех женщин и в В(алентину) П(етровну), и в Н(аталью) Н(иколаевну), и об Нине Петровской говорит очень» (ЛН 92/3, 1982, 307). Валентина Петровна — Веригина, Наталья Николаевна — Волохова.

* Галунов Александр — литератор, автор двух книг «Ad lucem». Москва 1904 и «Вереницы этюдов». Москва 1907. — Письмо от 13 ноября 1907 г. приведено полностью. Цитата из него была опубликована в статье: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел»: Ново-Басманная, 19. Москва 1990. 582.

всяких объяснений, без записки застрелил ее и себя. А за великим сейчас же и смешное — : старый Галунов радуется, что не придется платить денег за развод и очень хлопочет получить обратно задаток, данный адвокату. Зачем деньгам зря пропадать! Рассказываю о фактах и мне уже стыдно. Не умею еще говорить с тобою о «реальностях».

25 сент. 1907 г.

«Ведь если около меня никогда никого не будет и я стану совсем рабой, как твоя жена, ты меня так же и разлюбишь от этого сонного спокойствия. <...> А вдруг опять придет „безумие“. Ты склонен к нему больше чем я».

13 ноября 1907 г.

«Валерий, я чувствую и знаю — ты поглощен ее делами и любовью к ней*. Отчего же не имеешь смелости сказать прямо в лицо холодным четким словом. По твоему молчанию, потому как ты избегаешь видеть меня — я угадываю правду. Я сегодня провела ужасную ночь! И если тебя радует «безумие» исступлений — то все это было. До 1 ч. со мной был Сережа** (новобрачный — он вчера венчался) было похоже на какую-то невероятную страницу из романа. Сегодня я чувствую себя полу-мертвой и больше не могу, не могу в этих стенах ждать тебя и возврата твоей любви дни и ночи. Вместе с тем как передам это письмо швейцару, возьму билет в Петербург. Все равно! Зачем поеду — видит Бог, не знаю, но не могу больше ни рыдать, ни звать тебя напрасно. Иди к твоей новой любви, страшный пленительный зверь! Убей еще чью нибудь жизнь, — от этого ты расцветаешь. Прощай, я люблю тебя. Но ты «плюешь» на нее с большим пренебрежением, чем когда то Б. Н.*** Должно быть такова судьба Любви»¹⁸.

26 ноября четверг 4 ч. ночи <1909 г. >

«Как не могла я понять давно, — да ведь ты просто счастлив с ней****, как счастливы многие с женщинами, которых, любя, выбрали они на всю жизнь. Я — это какой то странный нарост на твоих чувствах, болезнь души, от которой постоянно ты пытаешься освободиться. И как слепая, как безумная, я ждала, что для меня ты оставишь ее!»

17 июня <1907 г. >

«... я ведь действительно смотрю в лицо смерти безумным прикованным взглядом. На мне уж лежат склепные тени. День за днем кто-то отнимает от меня мою живую жизнь и я превращаюсь в призрак, которому стыдно, и страшно и больно с живыми».

* Вероятно, имеется в виду В.Ф. Комиссаржевская. См.: Брюсов и театр. Вступ. статья и публ. Г. Ю. Бродской: ЛН 85 (1976) 174–175; К. Мочульский. Валерий Брюсов. Paris 1962. 128.

** Сережа — Соколов-Кречетов, муж Петровской, второй его женой была Л. Рындина, о венчании с которой пишет Н. Петровская.

*** Б. Н. — Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый).

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 19. Л. 4, 5, 6, 9, 11, 26, 29. Недатированные письма Н. Петровской датируются по содержанию, но для окончательного заключения о точных датах еще требуются дополнительные научные разыскания.

**** Речь идет о жене Брюсова — Иоанне Брюсовой (Рунт). — Письмо от 25 марта 1908 г. написано из Флоренции, полностью приводится в публикации Богомолова Н. А. «Итальянские письма Нины Петровской».

10 января (1906 г.)

«Что мне осталось? Как могла бы я жить без любви. И вот я не живу, медленно сламываюсь, то вступаю в безумный бой, то так (нрзб.) покорно склоняюсь. Ах, только бы не думать! У каждой мысли, от каждой мысли в мозгу маленькая ранка с острой мучительной болью. (...) Зверочек, зверочек, отчего ты так мало любишь меня! Зовешь мою любовь «безумием», удивляешься, что она такая непокойная, похожая на самосжигание, — точно есть какая то другая, точно забыл ты себя в прошлом году».

12/25 III (1908 г.)

«Да я впрочем и знала, что юг меня пленять не может. Если поеду еще в жизни куда нибудь, то только на север. Устрою романтическое путешествие в Норвегию за «милым» и как Брант* погибну в горах. А «милый» не придет, не придет никогда... Часто, часто вспоминаю, как мы ездили в Финляндию, и тогда глубоко презираю эту гигиеническую поездку и смеюсь мальчику** в лицо и говорю ему, что ты Единственный, Вечный, Любимый навсегда, а он — кук-ла ... (так назвал его Б. Н.)***.

(1913 г.?)

«Мне отвратительна моя „холостая“ жизнь, жизнь женщины-одиночки, „разводки“ с любовником, имеющим законную жену. (...) Хотела иметь ребенка, а говорила, что ненавижу детей и хочу в любви одного «наслаждения», хотела любить одного, одного всегда, а брала каких попало любовников, была в душе робкой, нежной, покорной, а хотела казаться жестокой, своенравной, причудливой. (...) Ах, Валерий, наивный и жестокий зверь!»¹⁹

В искренности и нелитературности этих писем трудно сомневаться. Глубина чувств Петровской неподдельна даже тогда, когда наступило, наконец, горькое осознание затянувшейся иллюзии. Она не переставала лелеять лучшее свое воспоминание — отдых с Брюсовым на Сайме и создала свой миф о прекрасном Севере (не без влияния столь популярных тогда Г. Ибсена и К. Гамсуна)²⁰. В последнем цитируемом письме Петровская предельно откровенна, она уже не женщина-вамп, ее мечты — мечты любой женщины любой эпохи. Но в ее положении отвергнутой оставалось только найти для себя психологическую лазейку для

* Брант — должно быть «Бранд», — герой одноименной драмы Г. Ибсена (1865), погибающий в лавине в горах. Эта пьеса ставилась на сцене МХАТа, в главной роли был занят В.И. Качалов. О пьесе см.: В. Г. Адмони. Генрик Ибсен, Очерк творчества. Ленинград 1989. 66–86; В. В. Розанов. Ибсен и Пушкин — «Анджело» и «Бранд»: В. В. Сочинения. Москва 1990. 360–366. (Статья впервые была опубликована в «Русской мысли» в 1907 г., № 7.)

** «Мальчик» — С. Ауслендер.

*** Б. Н. — см. письмо от 13 ноября 1907 г.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 20. Л. 4, 8, 10, 25, 32. Здесь порядок архивной нумерации листов не всегда соответствует предполагаемым датам. Письма от 26 ноября (1909 г.), 10 января (1906 г.), (1913 г.) датированы Н.А. Богомоловым.

²⁰ Явное влияние К. Гамсуна обнаруживается в некоторых рассказах Петровской, вошедших в сборник «Sanctus amor», где заимствованы сюжетные коллизии из «Пана» и общий стиль речи. (См.: К. Гамсун. Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана. Москва: Скорпион, 1901.)

защиты от боли и обид. Отчасти Петровская компенсировала эту боль посредством искусства, изобразив свое alter ego в лице страдающего героя, наделенного способностью любить так, как никто в мире, в своем сборнике «Sanctus amor». Неземное чувство было обречено на гибель в мире рутины и пошлости. Тем самым Петровская продемонстрировала Брюсову, что это он не способен подняться до высот, доступных немногим. И довольно-таки жестоко было со стороны Брюсова назвать впоследствии ее любовь «истерией»²¹.

Сборник был посвящен С. Ауслендеру, с которым Петровская вела игру в «пажа и королеву», удовлетворяя жажду внимания, недополученного опять же от обожаемого кумира.

Впоследствии она чаще всего будет пользоваться ролью Ренаты, а затем — странной женщины, бывшей писательницы-декадентки, за исключением тех случаев, когда сама действительность диктовала чисто прагматическую схему поведения или — чувства уже не поддавались контролю²².

Н. Петровская покинет Россию исключительно по личным причинам (нежелание вернуться было связано с трагическим финалом романа с Брюсовым, а Москва у нее неизменно ассоциировалась с этим именем), последние ее письма к нему из Италии датированы 1912 г.

В Италии ее литературный труд в основном сводился к переводам, а в Берлине — к критике и публицистике. Она сотрудничала в газете «Накануне» с 1922 г. до ее закрытия в 1924 г. Петровская переехала из Италии в Германию и устроилась в эту газету с помощью А. Толстого и Р. Гуля.

Рецензии Петровской, критические отзывы, короткие заметки, иногда переводы с итальянского появлялись почти в каждом номере «Накануне». Неизменно она печаталась в литературном приложении к этой газете, но только в качестве критика и публициста. Художественных текстов она уже почти не писала²³. Собственно как писательница она осталась в прошлой эпохе 1900-х. С закрытием газеты для Петровской исчезла не только последняя возможность литературной деятельности, но и какой-либо интеллектуальной деятельности вообще. Последние годы ее жизни прекратились в медленную агонию, прерванную самоубийством.

Н. Петровская, как и многие другие, — А. Блок, А. Белый, М. Сабашникова и др., попала в сети эстетических утопий, воплощенных

²¹ Цит. по: Переписка с Андреем Белым. 1902–1912. Вступительная статья и публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова: ЛН 85 (1976) 332.

²² Р. Гуль отмечает, что известие о смерти В. Брюсова, повергло Н. Петровскую в состояние растерянности и горя, и выражение ее лица позволило автору воспоминаний «Я унес Россию» увериться в мысли, что Петровская любила Брюсова всю свою жизнь.

²³ Выборочный обзор материалов Н. Петровской в газете «Накануне» см. в конце статьи.

в жизнь. Потерпев фиаско, она не смогла найти свое место в обыденной действительности и никого, кто мог бы защитить ее от этой действительности, взяв на себя тяготы каждодневных забот (что сделала, например, для А. Белого К. Бугаева (Васильева), Петровской оставалось лишь вернуться в призрачный мир теней литературы символизма и остаться в нем навсегда²⁴.

Краткая библиография

Источники

Художественные произведения (1900-е–1910-е гг.):

Из цикла «Песни любви»: Альманах «Кристалл». Харьков 1908. 115–116.

Она: Альманах «Гриф». Москва 1903. 17–22.

Последняя ночь. За гранью. Цветок Ивановой ночи: Альманах Гриф. Москва 1904. 51–63. («Последняя ночь» перепечатан в кн.: Юлия, или Встречи под Новодевичьим. Московская романтическая повесть конца XIX — начала XX века. Москва 1990. 218–221.)

Раб: Перевал. 1906/2. 48–50.

Sanctus amor. Москва: Гриф, 1908. (В альманахе «Гриф» за 1914 г. анонсировался второй сборник ее рассказов «Разбитое зеркало», но он так и не появился. В письме к А. С. Яценко Петровская упоминает эту книгу, говоря о том, что рукопись осталась в Москве после отъезда в Италию.)

Смерть Артура Линдау: Альманах «Гриф». Москва 1914. 124–128.

Переводы (1910–1920-е годы)

Деларю-Мардрюс Л. Исступленная. Роман / Пер. с франц. Н. Петровской. Москва 1912. Коллоди К. Приключения Пиноккио / Пер. Н. Петровской, обработал А. Толстой. Берлин 1924.

Маргерит Виктор. Моника Лербье (La garsonne) / Пер. с франц. Нины Петровской. Москва: Мосполиграф, 1924.

Воспоминания

Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто: Минувшее. Исторический альманах, 8. Париж 1989. 7–133.

Петровская Н. Из «Воспоминаний» / Публ. Ю. А. Красовского: Литературное наследство, 85. Москва 1976. 773–789.

Переписка

Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой: Минувшее. Исторический альманах, 14. Москва–СПб. 1993. 367–396 (письма Н. И. Петровской к В. Ф. Ходасевичу и от него; письмо Н. И. Петровской к Е. В. Выставкиной-Галлоп).

Из писем Брюсова к Петровской: Литературное наследство 85 (Москва 1976) 789–798.

Богомолов Н. Итальянские письма Нины Петровской: Русско-итальянский архив. Trento 1997. 115–155. Здесь публикуются письма к В. Я. Брюсову и Е. Л. Янтареву. Глубоко признательна автору этой статьи за предоставленную мне возможность ознакомиться с ней в рукописи.

²⁴ Исследование поддержано грантом Central European University, “Program on Gender and Culture”, Budapest.

- Письма Андрея Белого к П. И. Петровской. Публ. А. В. Лаврова: Минувшее. Исторический альманах, 13. Москва–СПб. 1993. 198–214.
- Письма Н. Петровской к О.И. Ресневич-Синьорелли и Ю. Айхенвальду / Публ. Э. Гаррето: Минувшее. Исторический альманах, 8. Париж 1989. 133–138.
- Письмо Н. И. Петровской к А. С. Яценко: Русский Берлин. 1921–1923. Paris 1983. 230–231.

Литература о Н. И. Петровской

Статьи, рецензии

- Белый А. Sanctus amor (рец.): Весы. 1908/3. 90–92; (перепеч. в кн.: А. Белый. Арабески. Москва 1911. 346–347).
- Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел»: Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 79–107; Bd. 2. S. 73–96.
- Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел»: Ново-Басманная, 19. Москва 1990. 530–589.
- Гречишкин С. С., Лавров А. В. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел»: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван 1973.
- Лавров А. В. Мифотворчество аргонавтов: Миф. Фольклор. Литература. Ленинград 1978. 167–168.
- Мицз З. Г. Граф Генрих фон Оттергейм и «московский ренессанс». Символист Андрей Белый в «Огненном ангеле» В. Брюсова: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. Москва 1988. 215–240.
- Мирза-Авакян М. Л. Образ Нины Петровской в творческой судьбе В. Я. Брюсова: Брюсовские чтения 1983 года. Ереван 1985. 223–234.
- Михайлова М. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе серебряного века: Преображение. 1996/4. 150–158.
- Мочульский К. Валерий Брюсов. Paris 1962. 102–103; 115–117; 136–138.
- Переписка с Андреем Белым. 1902–1912 / Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова: Валерий Брюсов. Литературное наследство, 85. Москва 1976. 334–340.
- Петровский М. Что отпирает «Золотой ключик»? Вопросы литературы 1979/4. 230–232.
- Тыршикина Е. В. Восприятие «Sanctus amor» Нины Петровской Андреем Белым (в свете ориентального влияния): Literatura rosyjska w nowych interpretacjach. Katowice 1995. 30–40.
- Тыршикина Е. В. Эстетика творчества Н. Петровской: Проблемы литературных жанров. Материалы VIII научной межвузовской конференции 17–19 октября 1995 г. В 2 ч. Ч. 2. Томск 1996. 10–12.
- Grossman J. D. Creating Life: The Aesthetic utopia of Russian Modernism. Eds. I. Paperno and J. D. Grossman. Stanford 1994.
- Klimowicz T. Nawiedzone (Baszkircewa — Piotrowska — Lwowa): Studia rossica posnaniensia 24 (1993) 83–97.

Воспоминания о Н. И. Петровской

- Белый А. Начало века. Москва 1990. 304–316 (глава «Орфей», изводящий из ада).
- Гуль Р. Я унес Россию: Новый журнал. New Review 137 (New York 1979) 79–85 (глава «Рената» из «Огненного ангела»).
- Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917). Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова: Минувшее. Исторический альманах 15 (Москва–СПб. 1994) 40–41.
- Офросимов Ю. Джеттатура: Новое русское слово. 1954. 17 января.
- Погорелова Б. Валерий Брюсов и его окружение: Воспоминания о серебряном веке. Москва: Изд-во «Республика», 1993. 31–32.
- Ходасевич В. Ф. Конец Ренаты: Ходасевич В. Ф. Некрополь. Москва 1991. 7–19.
- Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное. Москва 1991. 284–285, 300.

Выборочный обзор материалов Н. Петровской в газете «Накануне»

Переводы

Буцци Паоло. Пиготтона. Пер. с итал. Н. Петровской: № 11 (528). 1924. (Приложение «Литературная неделя»).

Бернаскони Уго. Убийца. Пер. с итал. Н. Петровской: № 466. 1923.

Очерки, рассказы, фельетоны

Астры доцветают (очерк): N.482. 1923.

Блудные сыновья. Очерк: N.34 (551). 1924.

Валерий Брюсов (очерк): № 507. 1923 (Приложение «Литературная неделя», выпуск посвящен юбилею Брюсова).

Литературный Берлин (Итоги): № 50 (587). 1924.

Маленький фельетон. Ersatz: № 23 (540). 1924.

Ночка (рассказ): № 485. 1923.

Ткукра (Маленький фельетон): № 62 (579). 1924.

Рецензии, обзоры

Рецензии Петровской появлялись практически в каждом выпуске «Накануне». Книги она рецензировала самые разнообразные — детские, искусствоведческие, художественные и др.

Искусство и наука. Виченца. Дворцы, старые дома и улицы 1550–1970 гг. 1923: № 17 (534). 1924. (Приложение «Литературная неделя»).

Книжный угол. М. Алданов. Святая Елена — маленький остров. Берлин, изд-во «Нева», 1923: № 3 (520). 1924.

Отзывы о книгах. «Беседа». Журнал литературы и науки. № 1, 2, 3. Берлин, изд-во «Эпоха», 1923: № 1. 1924. (Приложение «Литературная неделя»).

Отзывы о книгах. «Проказники», «Шалун», «Золотое детство», «Веселый год», «Вокруг света», «Железная дорога», и др. Текст Кальми. Берлин, изд-во «Новая книга», 1924: № 5. 1924 (Приложение «Литературная неделя»).

Отзывы о книгах. Рафаэль Кальцини. Георгий Лукомский. Милан, изд-во «Botega di Poesia», 1923: № 22 (539). 1924 (Приложение «Литературная неделя»).